

Глава 3

А.М. и Л.А. Мерварт в 1918–1924 гг.

3.1. На Дальнем Востоке

В начале февраля 1918 г. у супругов Мерварт имелся единственный путь попасть обратно в Россию — уехать из Индии во Владивосток на грузовом русском судне. В Рангуне они были сняты с парохода «Евгения» вместе с экипажем, так как британцы реквизировали это судно, и интернированы в Рангунском форте до конца апреля, проведя в крепости в общей сложности 66 дней. После освобождения на средства британского правительства они были отправлены дальше на британском пароходе, остановились на несколько дней в Сингапуре, на три недели — в Гонконге и около месяца провели в Шанхае. Там они жили в русской духовной миссии и ждали пароход Добровольного флота во Владивосток.

Во Владивосток Мерварты прибыли 26 июля 1918 г. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1920. Ед. хр. 2. Л. 52] и были там задержаны разгоревшейся Гражданской войной. *«В газете прочли письмо М.Н. Еришова, профессора Казанской духовной Академии, что молодежь не может ехать в центр учиться, надо прочесть общеобразовательные лекции. Связались в нем, привлекли С.М. Широкогорова, прибывшего во Владивосток с генералом Хорватом, и несколько профессоров Восточного Института во Владивостоке. Организовали частный Историко-Филологический*

факультет, который развился в государственный Дальневосточный Университет» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 211 об.]. Принять финансовое участие в создании факультета позволили оставшиеся у них 2500 руб. золотом, полученные от АН перед отъездом из Индии [Мерварт, Мерварт 1929: 23]. Как мы видим, А.М. и Л.А. Мерварт стояли у истоков Дальневосточного университета во Владивостоке. А.М. Мерварт взял на себя преподавание курса классической филологии (чтение и объяснение латинского автора), санскритский язык, историю Греции, Л.А. Мерварт — сравнительное языковедение, общий курс истории западноевропейской литературы [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1920. Ед. хр. 2. Л. 37]. Предполагалось учреждение новой кафедры Индонезии, которая очень интересовала Л.А. Мерварт [Там же. Л. 56]. Она заведовала кафедрой германской филологии и в то же время организовала библиотеку университета [Бухерт 2017: 55].

Владивосток в это время испытывал жесточайший жилищный кризис. Мерварты с трудом нашли комнату в частной квартире на Комаровской ул., д. 13. Когда неделю спустя приехал С.М. Широкогоров с женой, уговорили хозяев сдать и им комнату из своих четырех. *«Обедали мы вне дома, а чай пили все четверо у нас в комнате. До 3-х часов ночи разрабатывали планы факультета. Широкогоров — эрудит, оказал большое влияние. Через месяц хозяева развелись, мы взяли квартиру пополам: наша комната, Широкогоров — в большую хозяев, свою малую они сдали приятельнице Прасковье Мельниковой (в январе 1919 г. после поездки Широкогорова в Омск), 4-я — общая столовая. В малой комнате стоял рояль Широкогорова и фисгармония (музыкальная комната)»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 212–212 об.]. Постепенно личные отношения испортились, так как С.М. Широкогоров пытался руководить Мервартами. Они вели общее хозяйство, но встречались только за обедом, вели небуждающие страстей разговоры. Политики старались не касаться, хотя страну раздирала Гражданская война. Единства не было даже среди преподавателей университета.

С.М. Широкогоров был представителем правого течения. Его организация (члены ее — братья Спиридон и Николай Меркуловы и др.) собиралась в его комнате. Монархизм же Мервартам был чужд и противен [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 233].

Вместе с молодыми учеными — приват-доцентом Казанского университета Матвеем Николаевичем Ершовым, С.М. Широкогоровым и профессурой местного Восточного института — Мерварты основали курсы историко-филологического характера, далее — историко-филологический факультет. Они сумели привлечь к работе профессоров Н.В. Кюнера¹, П.П. Шмидта² (Рига), А.В. Гребенщикова³ (Чита), Поставина (который вскоре умер). Этот факультет финансировался отчасти из платы за обучение, отчасти из сумм, которые пожертвовали местные крупные коммерческие фирмы и банки, отчасти из средств, которые ассигновал генерал Д.Л. Хорват, основавший в то время правительство на Дальнем Востоке. Л.А. Мерварт на факультете была преподавателем, библиотекарем, занималась организацией студенчества [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 211 об.].

Факультет после переворота 1920 г. был санкционирован революционным правительством Земской управы, его состав утвержден и включен в Дальневосточный университет, существующий поныне [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 295–295 об.]. С.М. Широкогоров обеспечил поддержку генерала Хорвата и стал председателем комитета по учреждению историко-филологического факультета, А.М. Мерварт — секретарем, он работал там по вечерам.

---

¹ Кюнер Николай Васильевич (1877–1955) — российский и советский востоковед, историк и этнограф. Сотрудник МАЭ (с 1932 г.).

² Шмидт Петр Петрович (латыш. Pēteris Šmits — Петерис Шмитс; 1869–1938) — востоковед, китаист, этнограф.

³ Гребенщиков Александр Васильевич (1880–1941) — русский и советский синолог, специалист по тунгусо-маньчжурским языкам.

В мае 1919 г., «когда вследствие быстрого падения рубля стало невозможно жить на те деньги, которые мы с женой получали от факультета, я одновременно зарабатывал как иностранный корреспондент торговой фирмы “Чурин и Ко.”, а потом фирмы *Bogaiu*» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 295 об.].

Во Владивостоке А.М. Мерварт, не будучи религиозным, состоял в организации «Братство святителей Ионы, Филиппа и Алексея», прошел два собеседования, «из интереса к религиозным вопросам. Я атеист» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 176 об., 177 об.].

Во Владивостоке у Мервартов снял освободившуюся комнату М.О. Клер⁴ — профессор Екатеринбургского горного института, эвакуированного во время отступления Колчака, лучший знаток геологии Урала. В 1927 г. он зашел к Мервартам в МАЭ [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 298].

Весной 1921 г. А.М. Мерварт поступил в качестве помощника главного секретаря в Международный железнодорожный комитет по делам КВЖД и Уссурийской железной дороги (США, Англия, Франция, Италия, Япония). Председателем комитета был А.Ф. Кацienко, Главным секретарем — Владимир Арнольдович Зиссерман, бывший служащий Министерства финансов и земский начальник в Тульской области, вторым секретарем — Данилов, который занимался у А.М. Мерварта в университете. Когда понадобился перевод большого количества протоколов с французского на английский, Данилов рекомендовал его Зиссерману. В 1921 г. Данилов уехал за границу, а А.М. Мерварт был приглашен в качестве его заместителя на полтора года до ликвидации комитета. В обязанности А.М. Мерварта входили сбор сведений о повреждениях и нападениях на железную дорогу отрядами революционных партизан, переводы на английский язык на заседаниях и других материалов [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 42]. А.М. Мерварт вспоминал: «Все это время

---

⁴ Клер Модест Онисимович (1879–1966) — российский и советский геолог, палеонтолог, гидрогеолог, краевед.

я жил на основании тех видов на жительство, которые выделялись разными местными властями» [Там же. Л. 295].

В 1922 г. после очередного переворота власть во Владивостоке захватил самопровозглашенный Воевода Земской рати генерал М.К. Дидерихс. Из боязни военных действий А.М. Мерварт просил профессора В.А. Рязановского, который уехал за два месяца до этого в Харбин, подыскать ему там место. «В августе 1922 г. он телеграфировал мне, что есть место секретаря Пристанского отделения Русско-Азиатского Банка на 250 руб. в месяц — я приехал; директор — друг Рязановского». Потом он стал секретарем Маньчжурских отделений КВЖД [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 237 об. — 238]. Директор Харбинского отделения Русско-Азиатского банка Н.Д. Буяновский предложил Л.А. Мерварт место преподавателя новых языков в железнодорожной гимназии, где он сам был директором [Там же. Т. 13. Л. 235].

В ночь на 8 сентября 1922 г. Мерварты переехали в Харбин, как потом объяснял А.М. Мерварт на следствии в ОГПУ, «отчасти потому, что закрылся Международный Комитет и я таким образом лишился дохода и средств на жизнь, отчасти потому, что политическая ситуация предвещала столкновение между местной реакционной властью и красной армией. У меня было тогда двое маленьких детей, и я счел своим долгом подумать о них. Кроме того, к тому времени мне предложили место в Русско-Азиатском Банке в Харбине в качестве секретаря дирекции [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 177]». А.М. Мерварт предпринимал попытки коммерческой деятельности — предложил проект прямого экспорта какао из Цейлона в Россию. Переводил на иностранные языки донесения Шанхайскому и Парижскому правлению банка Остроумова и управляющего КВЖД. Дополнительно составлял телеграммы, доклады и письма по заданию дирекции на английском и французском языках [Там же. Т. 12. Л. 42]. «Я работал в банке в то время, когда начались первые серьезные притязания Мукденской власти (Чжан-Цзолия) на КВЖД, и был свидетелем тех шагов, кото-

рые предпринимались банком для отстаивания земельных прав КВЖД против Мукдена. Я в качестве секретаря дирекции был в курсе почти всех тех переговоров, которые велись банком с местными иностранными предпринимателями, с Японией и Китаем. Мне было поручено составить на английском языке историю земельного вопроса КВЖД для распространения между союзными — английским, французским, американским посольствами. Я эту задачу выполнил в сентябре 1923 г., для каковой цели я съездил в Пекин, где находился тогда архив банка» [Там же. Л. 295–295 об.]. Примечательно, что пребывание в Китае не вызвало интереса Мервартов-этнографов. Частично это объяснимо жуткими финансовыми условиями, в которых оказались наши герои.

Круг общения А.М. Мерварта на Дальнем Востоке, во Владивостоке и Харбине был весьма широк. Он сталкивался с политическими деятелями — Б.В. Остроумовым, бывшим генералом Д.Л. Хорватом, генералом Меркуловым, Л. Кролем (представитель партии кадетов), Фоминым (представитель плехановцев), поверхностно знал братьев С.Д. и Н.Д. Меркуловых, «сыгравших видную роль в системе Дальневосточных переворотов» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 298].

Во Владивостоке А.М. Мерварт был знаком с владельцем фирмы «Кунст и Альберт» Даттаном, с его главным доверенным Лисовским, управляющим Владивостокским отделением фирмы «Voraу и Ко.» («Караван») Функом, немецким, английским, французским, американским, китайским консулами и представителем Японии. Субсидировали историко-филологический факультет представители буржуазии — Чурин, Свидерский, Шанович, Бринер, Бабенцов, местные крупные коммерсанты Сойкин, Скидельский, Попов и др.

Во Владивостоке Мерварты общались с профессорами Восточного института, деятелями русской эмиграции (В.А. Рязановским, Энгельфельдом, Зандером, Колюбакиным, Христиани, Андогским, Грибановским, Никоновым). Все они постепенно поступали в преподавательский состав Дальневосточного универ-

ситета. Дружеские отношения установились с профессором А.П. Георгиевским⁵, председателем Дальневосточного отделения Геологического комитета А.Н. Криштофовичем⁶ (через 1,5 года после возвращения Мервартов в Ленинград он вернулся туда с Филиппинских островов) [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 298], известным исследователем Уссурийского края В.К. Арсеньевым⁷, специалистом по рисовой культуре А.Д. Воейковым. Ученик А.М. Мерварта Р.Н. Ким позднее стал профессором японского языка в Москве, переводчиком, разведчиком, заключенным, известным автором детективных и шпионских романов [Просветов 2015].

Благодаря положению в Русско-Азиатском банке А.М. Мерварт был знаком с его руководящим составом в Харбине (Л. фон Гойером, Н.Д. Буяновским, Л. Блахером, Петигюгенэном) и Шанхае (генеральным директором Дальневосточного сектора Российско-Азиатского банка Блейлером, секретарем директора в Шанхае Дюсиметьером), с персоналом Гимназии им. Д.Л. Хорвата в Харбине, в Пекине он встречался с сотрудниками бывшего российского посольства (Граве, Митрофановым), с директором *Vanque de l'Indo-Chine*, профессором Пекинского университета, бывшим приват-доцентом Петербургского университета индологом бароном А.А. Сталь-фон-Гольштейном, агентом КВЖД в Пекине Барбье, с членами Правления и Управления КВЖД (Пушкаревым, Рихтером, Эльтеновым, Остроумовым, Степуниным); в Китае — с губернатором трех восточных провинций Фу-Цзин-Лином, Янь-Чао — уполномоченным Чжан-Цзолина, Люй Тай — китайским компрадором Россий-

---

⁵ Георгиевский Александр Петрович (1888–1955) — русский и советский лингвист, этнограф, деятель высшей школы, один из зачинателей архивного дела на Дальнем Востоке.

⁶ Криштофович Африкан Николаевич (1885–1953) — русский и советский ученый-геолог, палеоботаник, ботаник.

⁷ Арсеньев Владимир Клавдиевич (1872–1930) — русский и советский путешественник, географ, этнограф, востоковед, писатель.

ско-Азиатский банка и др. [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 298–299].

Л.А. Мерварт во Владивостоке активно включилась в процесс организации университета, читала там лекции. С 1 сентября 1918 г. она — штатный преподаватель (частного) историко-филологического факультета во Владивостоке (ныне — Государственный Дальневосточный университет). 1 сентября 1922 г. Л.А. Мерварт получила отпуск без содержания для отъезда в Харбин, 1 февраля 1923 г. отчислена согласно прошению из преподавательского состава ГДУ, где состояла в должности и.о. доцента. С 1 октября 1922 г. по 1 июля 1924 г. она была штатным преподавателем 1-й Железнодорожной гимназии им. Хорвата в Харбине [СПбФ АРАН Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 11, 13 об.].

Л.А. Мерварт придерживалась активной гражданской позиции. Во Владивостоке в 1918 г. она помогала студенчеству создать свои организации (старостат, кассу взаимопомощи). *«Люди ко мне приходили со своими делами»*, — вспоминала она [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 234]

Во Владивостоке Л.А. Мерварт организовала Женскую дружину помощи армии, которая просуществовала одну зиму. Фактически это было общество Красного Креста — мастерская, 20–25 женщин шили на дому белье для армии [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 184].

Также Л.А. Мерварт во Владивостоке участвовала в работе Братства им. Ионы и Филиппа, созданного священником университетской церкви отцом Владимиром. Два года состояла членом Общества ревнителю православия при Владимирском соборе, которое собиралось раз в месяц, но вышла из него из-за черносотенцев Меркуловых. Вступила в Покровское общество, которое создал священник Павел Киев для помощи детям Владивостока [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 320–321].

Связь Дальнего Востока с европейской Россией была прервана Гражданской войной. Младший этнограф МАЭ Бернгард Эдуардович Петри, застрявший в Иркутске с женой и ребенком и преподававший в Иркутском государственном университете,

состоял в переписке с А.М. Мервартом и С.М. Широкогоровым. Он писал 26 мая 1920 г. в МАЭ, что те находятся во Владивостоке, оба читают лекции в открытом во Владивостоке университете, где Л.А. Мерварт ведет практические занятия на историко-филологическом факультете. У Мервартов родилась дочь. *«Кроме того, прошу выяснить условия возвращения в Академию — мои, Мерварта и Широкогорова, т.е. сохранены ли наши должности за нами и к какому сроку мы должны прибыть к месту службы, конечно, по установлению сообщения Сибирь — Петроград»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1920. Ед. хр. 2. Л. 39].

В 1920 г., 10 августа, Б.Э. Петри сообщал ученому персоналу МАЭ в дополнение к письму от 5 июля 1920 г.: *«Вчера проехал через Иркутск из Владивостока, следуя на Урал, профессор Мод[ест] Онис[имович] Клер. Сообщил следующее: во Владивостоке организован большой Университет из Вост[очного] Инст[итута] и Ист[орико] Филол[огического] Ф-та в составе Восточного, Юридического и Историко-Филологического Факультетов. Мерварт с Людм[илой] Александровной по-прежнему состоят преподавателями Университета (санскрит и пр.). Их материальное полож[ение] хорошее: большая квартира, 2 прислуги и прочие атрибуты старого режима; средства дает служба в конторе Кунст и Алберт, где Александр Мих[айлович] занят 2–3 часа в день. Сергей Михайлович Шир[окогоров] отъехал спешно за границу с женой»*⁸ [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1920. Ед. хр. 2. Л. 41–41 об.].

В 1922 г., 25 июня, он писал ученому персоналу МАЭ: *«О наших сибирских сочленах имею кое-какие сведения. Владивостокский Университет сильно замешался в политику; следствием этого явился разбег профессуры и развал Университета. Мерварты еще там. Они спасаются благодаря службе у Кунста и Альберса»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1922. Ед. хр. 4. Л. 122].

---

⁸ С.М. Широкогоров оказался в вынужденной эмиграции в Китае, где жил и работал вплоть до своей смерти в Пекине в 1939 г., разработывал теорию этноса.

Как уже отмечалось, после очередного переворота у власти во Владивостоке оказался генерал Дидерихс, который намеревался восстановить крепостное право. Зарботки подходили к концу, и Мерварты уехали в Харбин в ночь на 8 сентября 1922 г. Пребывание в Харбине было очень тяжелым. Л.А. Мерварт написала проект реорганизации преподавания русского языка в Харбине для железнодорожных школ, расширила систему домашнего чтения для детей. В 1924 г. эмигрантский совет КВЖД был заменен советским [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 320–336].

Когда восстановилась система сообщений с европейской частью страны, стали поступать письма. Мерварты получили бумаги от АН и Наркомата иностранных дел о возвращении в Ленинград. Задержка по срокам была вызвана тем, что Л.А. Мерварт вышла из больницы после тяжелой операции, швы могли разойтись, так что до конца июня ехать в Россию ей было нельзя. Только 27 июня 1924 г. Мерварты выехали в теплушке в Ленинград [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 325]. Путешествие занято пять недель. На целых десять лет (вместо планировавшихся двух) затянулась для них разлука с домом.

3.2. Возвращение в Петроград

В 1914 г., 10 сентября, Б.Э. Петри и Г.Х. Мерварт как единогласно избранные были утверждены на две сверхштатные должности младших этнографов МАЭ [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1914. Ед. хр. 161. Л. 447 об.]. 1 января 1917 г. В.В. Радлов представил ряд сотрудников МАЭ к Высочайшим наградам на основании Общих правил о наградах (на август 1916 г.), при этом не имеющий чина Герман Мерварт, VII разряд, в МАЭ по вольному найму с 1 октября 1913 г., был представлен к ордену Св. Станислава 3 ст. [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1916. Ед. хр. 52. Л. 27 об.].

После Октябрьской революции 1917 г. сохранивший должность директора МАЭ В.В. Радлов просил 21 марта 1918 г. Канцелярию Правления РАН ввиду последовавшего утверждения

Комиссариатом народного просвещения новой сметы «внести в окладной список личного состава дополнительно следующих лиц: зав. Отделом Африки В.И. Иохельсон, зав. Отделом Индии Г.Х. Мерварт, зав. Антропологическим Отделением С.М. Широкогоров, зав. Отделом Средней Азии И.И. Зарубин, пом. зав. Отделом Индии г-жу Л.А. Мерварт, и, наконец, С.М. Дудина, зав. Отделом Туркестанских Древностей и фотографическим, с определением им по времени действия новой сметы общеустановленного оклада для заведующего Отделом — 650 руб., для помощника — 550 руб., причем Иохельсону содержание исчислять со дня назначения — с 1.02. с.г., остальным — с 1.01. с.г.» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 73. Л. 77]. Таким образом, несмотря на то что официально командировка в 1918 г. продлена не была, Мерварты стали числиться в штате МАЭ с 1 января 1918 г.

В МАЭ волновались о судьбе членов экспедиций, отправленных в 1914 г. — Б.Э. Петри (оказавшегося в Иркутске), С.М. Широкогорова (с женой, отправленных в Маньчжурию), А.М. и Л.А. Мерварт (командированных в Южную Азию). В 1922 г. в список служащих МАЭ по-прежнему включались ученые хранители Б.Э. Петри (в командировке в Восточной Сибири, явится на службу к 1 сентября), Г.Х. Мерварт, С.М. Широкогоров (состоят в длительной командировке, срок возвращения неизвестен), научный сотрудник 2-го ранга Л.А. Мерварт (состоит в длительной командировке, срок возвращения неизвестен) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1922. Ед. хр. 5. Л. 32].

Л.Я. Штернберг писал 28 февраля 1923 г. С.М. Широкогорову: «Мерварт что-то забрался в Харбин и молчит, Петри “професорствует” в Иркутске, а тут предстоят колоссальные работы по перестройке всего Музея, устройству Эволюционного Отдела и т.д. Помочь Вам для дальнейших исследований на дальнем Востоке мы не можем, теперь не до того, а нам нужны работники до зарезу. Работники нужны и для Географического Института, где нуждаются в специалистах по сибирским инородцам, и вообще тут работы найдется довольно. Начните поскорее хлопотать

через русскую делегацию в Пекине, чтобы получить проезд в Россию, поскорее сообщите нам, дабы могли были и с нашей стороны придти напоминания. Напишите также в Харбин Мерварту (мы его адреса не знаем). Мы тут хлопочем о перевозке его китайских коллекций — а он молчит» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1— 1923. Ед. хр. 3. Л. 13]⁹.

В 1923 г., 14 марта, академик-секретарь доложил Отделению историко-филологических наук записку директора МАЭ следующего содержания: *«Отделению известно, что МАЭ РАН за последние годы лишился целого ряда незаменимых работников: Г.Х. и Л.А. Мерварты, С.М. Широкогоров, Б.Э. Петри задержаны долголетними экспедициями на Востоке, и трудно предвидеть, когда они вернутся. В.И. Иохельсон в командировке в Америке, А.И. Иванов откомандирован к китайской делегации, Е.Л. Петри скончалась. Между тем в настоящий момент, когда музей радикально перестраивается в связи с переходом в новое здание и возложенным на него заданием устроить выставку к 200-летию юбилея Академии, имеется особая нужда в работниках-специалистах, каковых найти очень трудно»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 4. Л. 57].

В 1923 г., 17 октября, директор МАЭ академик Е.Ф. Карский просил ИФО РАН исходатайствовать перед Народными комиссариатами иностранных дел и путей сообщения и перед Главным таможенным управлением *«предоставление сотруднику МАЭ А.М. Мерварту с его семейством и частью собранных им коллекций права и возможности возвратиться в Петроград, отправив ему удостоверение о его командировке»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 4. Л. 227]. В Комиссариат иностранных дел, Комитет путей сообщения и Главное таможенное управление были направлены письма.

«Российская Академия Наук в 1914 г. командировала в Индию ученого хранителя Музея антропологии и этнографии Алек-

---

⁹ Авторам ничего не известно о судьбе так называемых «китайских коллекций» Мервартов.

сандра Михайловича Мерварта и его помощника Людмилу Александровну Мерварт для всестороннего обследования населения Индии и для собирания этнографических коллекций, иллюстрирующих быт и культуру Индии.

Лица эти пробыли в Индии четыре года, и за это время им удалось, несмотря на крайне неблагоприятные условия войны и отрезанность от Петрограда, изучить практически индийские языки, основательно ознакомиться со всеми сторонами жизни Индии и собрать богатую этнографическую коллекцию, состоящую из многих тысяч предметов, не считая множества рисунков, фотографий и литературы об Индии. Вследствие отрезанности от европейской России и истощения средств к существованию, указанные лица вынуждены были оставить все собранные ими коллекции, за исключением 15 ящичков особо ценных, и выехать в ближайший доступный русский пункт, Владивосток, где, в ожидании возможности вернуться в Индию за коллекциями, устроились преподавателями в местном Государственном Университете.

В 1920 г. А.М. Мерварт обратился в Наркоминдел через представителя РСФСР во Владивостоке тов. Виленского с предложением своих услуг для работы в Индии, но вследствие долгого перерыва сношений дело заглохло. Ввиду тяжелого материального положения А.М. Мерварт, обремененный семьей, вынужден был принять частичную службу в Харбине, все еще не теряя надежды вернуться в Индию, чтобы вернуть свои коллекции. Между тем Академии Наук удалось в последние месяцы получить коллекции из Индии при содействии нашего представителя в Лондоне и Балтфлота, и таким образом Мерварты могут теперь вернуться на службу в Петрограде. Академии Наук крайне заинтересована в скорейшем возвращении этих лиц, так как, кроме них, специалистов-индианистов, притом лично собравших коллекции, никто не в состоянии научно их регистрировать, ни обрабатывать. Кроме Академии Наук в возвращении Мервартов крайне заинтересован Институт Живых Восточных Языков, в котором, как и во всей России, нет знатоков живых языков Индии, и, наконец, для Наркоминдела и Внешторга Мерварт мог бы быть

незаменимым экспертом по политическим и экономическим вопросам, связанным с Южной Азией.

Ввиду этого Академия Наук обращается с просьбой о следующем:

I. Выдать А.М. Мерварту и его супруге Л.А. Мерварт с их двумя малолетними детьми свободный пропуск в Россию, как лицам, состоящим в командировке от РАН.

II. 1) Предоставить А.М. Мерварту и его супруге Л.А. Мерварт с их двумя малолетними детьми право бесплатного проезда от ст. Маньчжурия до Петрограда и теплушку для перевозки их имущества большой скоростью. 2) Предоставить бесплатный провоз 15 ящиков коллекций, оставленных Мервартом во Владивостоке, до ст. Чита на имя Музея, где эти коллекции по пути в Петроград Мервартом будут получены.

III. Разрешить Мерварту бесплатный провоз экспедиционного и личного имущества, вывезенного после семилетнего пребывания по командировке за границей» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 3. Л. 110–110 об.].

Транспортно-экономический отдел НКПС 12 ноября 1923 г. за № 2388Э2 сообщил РАН, что просьба о предоставлении ученому хранителю МАЭ А.М. Мерварту с семьей права бесплатного проезда от Маньчжурии до Петрограда и бесплатного провоза имущества и коллекций Тарифным комитетом удовлетворена [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 4. Л. 254]. Уполномоченному Народным комиссариатом иностранных дел в Харбине 7 декабря 1923 г. была отправлена телеграмма о разрешении А.М. Мерварту проезда в Петроград [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1923. Ед. хр. 19. Л. 114]. Директор МАЭ Е.Ф. Карский телеграфировал в Харбин в Русско-Азиатский банк Мерварту: «Въезд бесплатный проезд безошлинный ввоз телеграфно разрешено документы высылаем визу получите представителя телеграфируйте выезд» [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1923. Ед. хр. 19. Л. 111].

В 1924 г. Мервартам в Харбин было отправлено несколько телеграмм. Но по причине болезней их отъезд несколько раз откладывался.

В 1924 г., 14 мая, директор МАЭ в разъяснение постановления (Журнал Правления РАН от 8 мая, п. 13) считал нужным сообщить Правлению РАН, что «1) супруги Мерварты были командированы Академией наук, с тем чтобы по возвращении они были назначены — Александр Михайлович — зав. Отделом, а Людмила Александровна — помощником заведующего Отделом Индии; 2) что Мерварты собрали с огромными усилиями и лишениями ценнейшую коллекцию, которую только они одни в состоянии разобрать и выставить; 3) что льготы по их переезду отнюдь не потеряли силы; 4) что в утверждении Мервартов на штатные должности сомнений быть не может, т.к. новые штаты по музею прошли. Вследствие вышеизложенного Совет Музея подтверждает ходатайство и просит дать ему срочный ход» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 5. Л. 70–70 об.], т.е. обратиться с соответствующим ходатайством в Главнауку о выдаче 250 руб. и о предоставлении еще одной штатной единицы.

Второго июня 1924 г. он уведомил Президиум РАН: «От супругов Мерварт, которые, по поручению РАН, провели 4 лет экспедиции в Индии и ныне, в конце этого месяца, выезжают из Харбина на службу в Музей, получено дополнительное сообщение о том, что на перевозку их личного имущества и проезд от Харбина до ст. Маньчжурия, на перепакровку 55 пудов коллекций, хранящихся во Владивостоке, доставку их на вокзалы и с вокзала во Владивостоке и Чите, на содержание 4-х человек в пути в течение двух недель, равно на разные экстренные надобности в связи с переездом (поездка во Владивосток для перепакровки коллекций) и пр. потребуется сумма в 500 руб. Деньги эти можно перевести либо лично А.М. Мерварту, либо дипломатическому представителю СССР в Харбине для него. Ввиду того, что Мерварты выполнили с огромными трудностями в годы войны большие научные задания РАН и собрали обширную ценную коллекцию, которую они одни только и могут разобрать, и служба их в Музее, как редких специалистов по Индии, крайне необходима, Совет Музея ходатайствует об ассигновании оказанной суммы из соответствующих кредитов, и в крайнем случае заимообразно из сумм на

оборудование нового здания Музея, исходатайствовав для этого необходимое разрешение» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 5. Л. 72]. В дополнение 11 июня 1924 г.: «От А.М. Мерварта получилась телеграмма о том, что он ликвидировал все в Харбине и готов выехать к месту службы в Академии в Ленинград и просит, для устранения возможных недоразумений, ходатайствовать перед соответствующими учреждениями, Народным Комиссариатом Путей Сообщения и Наркомвнешторгом о подтверждении данных в ноябре 1923 г. разрешений на даровой проезд и провоз багажа, а также на беспрошленный пропуск имущества и коллекций. Музей просит удовлетворить это ходатайство. При сем прилагаются копии бумаг, которые по миновании надобности просьба вернуть в Музей» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 5. Л. 75].

Телеграммой № 4144 от НКПС 21 июня 1924 г. со станции Хабаровск *«подтверждается постановление Наркома сообщенное телеграммой ЦК двенадцатого ноября ПГ номер 23 дробь 56 тысяч семьсот семьдесят семь представлении ученому Мерварту право бесплатного проезда с женой и двумя детьми от ст Харбин до Ленинград и бесплатного провоза принадлежащего ему имущества и коллекции. Отъезд Мерварта из Харбина задержался до настоящего времени вследствие болезни семьи» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 2. Л. 214].*

Двадцатого июня 1924 г. Совет МАЭ на новые должности научных сотрудников выбрал А.М. Мерварта научным сотрудником 1-го разряда, зав. отделом Индии, на освободившуюся вакансию Б.Э. Петри, Л.А. Мерварт — научным сотрудником 1-го разряда по отделу Индии и Индонезии [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 5. Л. 89–90].

А.М. Мерварт писал в 1930 г. в своем «Жизнеописании»: *«Между тем я получил из АН, через старшего этнографа МАЭ, извещение, что коллекции, собранные нами в Индии, прибыли и что требуется наше присутствие, чтобы их перерегистрировать, привести в порядок и выставить. После некоторой переписки по этому поводу мы получили советские паспорта и при-*

ехали в Ленинград в конце июля 1924 г.» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 296].

Мерварты вернулись в Ленинград 3 августа 1924 г. А 25 августа 1924 г. Правление РАН постановило «поместить в ученые хранители А.М. Мерварта вместо Г.О. Монзелера», а врио зав. отделом культурных стран Азии Георгия Оскаровича Монзелера¹⁰, избранного 5 августа 1924 г. Советом МАЭ, перевести в научные сотрудники 1-го разряда на первую освободившуюся должность [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 5. Л. 104, 108]. С 1 августа 1924 г. зав. отделом культуры стран Азии МАЭ А.И. Иванов как неявившийся в срок из командировки (из Китая) был отчислен от службы, с 15 февраля на его место включен Г.О. Монзелер [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 2. Л. 278]. Л.А. Мерварт была зачислена на службу сверх штата на свободные академические вакансии [Там же. Л. 286]. А.М. Мерварт в 1924 г. получил 16-й разряд, Л.А. Мерварт — 15-й разряд [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 5. Л. 109].

Постановлением Правления АН от 17 июля 1924 г. (Журнал № 50, п. 29) Л.А. Мерварт зачислена на службу в АН на должность научного сотрудника 1-го разряда МАЭ еще 20 марта 1924 г. [СПбФ АРАН Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 1041. Л. 5], затем, 1 июля 1924 г., — зав. отделом МАЭ АН СССР (Ленинград, Университетская наб., 3) [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 13 об.]. Она включилась в общественную деятельность: вступила в профсоюз работников просвещения, стала членом Радловского кружка при МАЭ (основанном в 1918 г.), Ленинградского общества изучения местного края [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 1041. Л. 1]. 4 декабря 1924 г. была избрана сверхштатным научным сотрудником 1-го разряда НИИ сравнительной истории литературы и языков

---

¹⁰ Монзелер Георгий Оскарович (1900–1959) — российский востоковед, японовед, китаевед. Сотрудник МАЭ (1924–1934). Командирован в Китай (1926), участвовал в освободительной борьбе, начальник радиосвязи при китайском народном правительстве (при советнике Бородине) [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 305].

Запада и Востока при ЛГУ [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 13 об.].

Оклад ученого хранителя МАЭ (15-й разряд) в 1925 г. составлял 150 руб. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 15. Л. 5]; в 1926 г. Л.А. Мерварт как научный сотрудник 1-го разряда получала 130 руб. в месяц [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 1041. Л. 2]. О ценах в Ленинграде того времени можно судить, например, по подробным дневникам К.И. Чуковского. Жить на эти деньги было трудно, но возможно, а вот снимать квартиру уже представлялось нереальным. Помогли коллеги по МАЭ и Академии наук.

Сначала Мерварты остановились у профессора Л.Я. Штернберга (7 линия В.О., дом 2/1, кв. 5). В октябре 1924 г. они переехали на отдельную квартиру [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 294] по адресу Университетская наб., 1–15 [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 7. Л. 29]. На заседании Правления АН СССР 4 октября 1926 г. рассматривалось заявление академика Е.Ф. Карского *«о настоящей необходимости предоставить квартиру из трех комнат в доме № 2 по Тучковой наб. ученому хранителю А.М. Мерварту с производением в этой квартире необходимого ремонта. Постановлено: Поручить Строительно-Ремонтному Отделению предоставить справку о необходимой работе»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 6. Л. 242].

Десятого сентября 1924 г. Правление РАН разрешило в возмещение расходов А.М. Мерварта по подготовке и транспорту собранных им индийских коллекций выписать ассигновку на сумму в 100 руб. из оставшихся 200 руб., отпущенных на нужды Музея по ученой части [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1924. Ед. хр. 25. Л. 108, 109].

3.3. Транспортировка коллекций в МАЭ

Первые собранные на Цейлоне экспонаты Мерварты отправили 14/27 июня 1914 г. пароходом Добровольного флота «Воронеж» (в отчете — «Кишинев» [Мерварт, Мерварт 1927: 3]). В коллекцию входило собрание театральных масок [СПбФ АРАН.

Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 197]. *«Она будет, и это иначе не может быть, довольно пестра, но начало сделано и теперь легче будет отдельные области постепенно дополнять»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 232].

По сведениям на 27 декабря 1914/9 января 1915 г., пароход «Воронеж» выгрузил груз в Александрии, но главное то, что в конносаменте, присланном в контору Добровольного флота в Петроград, этот груз вообще не был указан [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 19]. Г.Х. Мерварт телеграфировал в МАЭ 6 февраля 1915 г. из Мадурай, что отправлены пять ящиков, 25 оставлены в Коломбо [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 70. Л. 5]. 18 апреля 1915 г. Л.Я. Штернберг обратился в Правление Добровольного флота: *«Музей обращается к Правлению Добровольного Флота с покорнейше просьбой отправить в Александрию телеграфное распоряжение о том, чтобы груз был передан в ведение Таможни и находился там в хранение от имени музея. Все расходы и платежи по перевозке, выгрузке и хранении в Александрии, равно как и расходы по телеграфному распоряжению, Музей берет на себя»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 122]. Одновременно директор МАЭ академик В.В. Радлов обратился в Императорское Российское консульство в Александрии: *«На пароходе “Воронеж”, который вследствие военных обстоятельств в июне 1914 г. выгрузился в Александрии, находились 4 ящика с этнографическими коллекциями из Коломбо, заадресованные во вверенный мне Музей. Ныне по распоряжению Добровольного Флота груз этот передан на хранение в “Египетские завозные склады”, находящиеся в ведении Таможни. Ввиду крайней научной ценности груза, покорнейше прошу Консульство принять в свою очередь меры по охране этого груза и по окончании войны отправить через “Добровольный Флот” в Одессу по адресу: Петроград, Императорская Академия Наук, Музей этнографии. Все расходы по хранению вещей в таможне и сдаче на пароход Музеем будут уплачены»* [Там же. Л. 123].

Агент Добровольного флота телеграфировал 30 ноября 1915 г. о предстоящей продаже с аукциона принадлежащих ИАН четы-

рех ящичков с этнографическими коллекциями по коносаменту за № 14, хранящихся на таможенных складах Александрии. Директор МАЭ просил 23 января 1916 г. директора-распорядителя Добровольного флота князя Маврокордато «сделать зависящие от Вашего Сиятельства распоряжения, дабы означенные четыре ящичка были отправлены в Порт-Саид агенту Добровольного Флота для хранения впредь до окончания военных действий», приложив проект этого письма [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 242 об., 243]. Вновь руководство МАЭ связывалось с Управлением агентов Добровольного флота в Одессе относительно индийской коллекции 21 и 22 апреля 1916 г. [Там же. Л. 309, 317], 21 июня 1916 г. [Там же. Л. 309]. Эти коллекции так и не были доставлены в МАЭ.

С началом Первой мировой войны Мерварты оказались в затруднительном положении относительно своей собирательской работы. Указания Г.Х. Мерварту по поводу работы в военный период выражены в письме Л.Я. Штернберга от 1 сентября 1914 г.

«Война, конечно, не особенно благоприятное обстоятельство для музейного дела уже по тому одному, что на прилив пожертвований трудно рассчитывать. Поэтому важно использовать нынешнюю командировку как можно продуктивнее. С этой точки зрения важно прежде всего как можно больше удлинить срок пребывания в Индии, не только потому, что это облегчает тяжесть накладных расходов по поездке и снаряжению, но и потому, что теперь в период войны Вы избегаете конкуренции туристов и при общем денежном застое можно делать сбор гораздо дешевле обыкновенного. Следуйте, при нынешних трудных обстоятельствах, мудрому принципу политической экономии — с наименьшими жертвами достичь наибольших результатов.

Ваше письмо и денежные отчеты получены, и читал с большим интересом, и буду надеяться, что и в Индии Вам удастся завязать такие же прочные связи, как на Цейлоне. — Слава Богу, Василий Васильевич [Радлов] отлично поправился и снова такой же жизнерадостный и энергичный, как был. В Музее все по-старому. Со всех сторон прибывают коллекции, уже и не знаем,

куда их класть. Ваши коллекции рекомендуем пока не посылать, а отдать на хранение либо в посольство или консулам, либо в надежный частный склад. В ближайшем заседании Вы будете представлены сверхштатным этнографом Музея, т.к. Министерство утвердило две новые должности сверхштатных этнографов, т.ч. теперь Вы инкорпорированы в постоянный штат Музея. Этим летом в санатории Либекса часто вспоминали вас и были очень благодарны в рекомендации санатория.

За сим желаю Вам и Людмиле Александровне здоровья и бодрости и вообще всего лучшего. Все в Музее шлюет привет.

Л. Штернберг

PS. Еще хотел бы прибавить пару слов. Пусть война и ее служители не очень Вас смущают. Приспособиться к обстоятельствам в смете экономизирования, конечно, придется, но не впадайте в пессимизм: если понадобится пожертвовать в будущем году счет, мы постараемся выслать кое-что и из штатных сумм, т.ч. собирайте и собирайте! Пусть это будет Вашим девизом! И еще раз всего лучшего! Не будем с Вами выпрашивать о мировой жизни, ибо сами понимаем, что переходный период. Л. Штернберг» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 445–446].

Это письмо было отправлено отдельно и в переводе на английский [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 20–21]. Эти же указания Л.Я. Штернберг подтвердил в письме от 5/18 сентября 1914 г., также написанном по-английски: «Из моего детального письма, посланного на днях, Вы могли бы увидеть, что мы надеемся даже теперь, что у Вас более благоприятные условия составить коллекции по Цейлону, чем на континенте, более богатые и более дешевые. Мы надеемся, что деньги уже у Вас в руках и вы продолжите собирать, как и ранее» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 452]. 21 мая 1915 г. он вновь передает им наставление В.В. Радлова, который «просил меня сообщить Вам, что очень удовлетворен Вашим письмом и характером Вашей работы. Будучи весьма заинтересованным в собирании наиболее возможном, он убежден, что Вы согласитесь с этой точкой зрения, и со своей стороны сделает все возможное, чтобы

помочь Вам в денежном плане. Он будет пытаться предоставить Вам возможность продолжать собирать в течение следующего года» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 132]. Л.Я. Штернберг сообщил об отправке экспедиции С.М. Широкогорова, также на два года, в Маньчжурию.

В письме от 3/16 июня 1916 г., отправленном через чиновника МИД Н.П. Юдина в Императорское Российское консульство в Коломбо, Л.Я. Штернберг подбадривал Мервартов: «Я Вам писал подробно и многократно телеграфировал. Вы жалуетесь, что Вас забывают и не поддерживают письмами. Я Вас должен приятно разочаровать в Вашем заблуждении. Мы даже слишком много думаем о Вас, всегда ломаем голову о деньгах и сочувственно следим за Вашей работой. Наоборот, Вы слишком мало верите в нас и падаете духом, т.к. Герман Христианович даже взял службу. Словом, впредь не будьте такими Фомами неверующими. Показывал Ваши письма С.Ф. Ольденбургу и Ф.И. Щербатскому. Они между прочим того мнения, что непроизводительно переводить те рукописи, о которых Герман Христианович писал. Сергей Федорович тоже того мнения, что если Вы еще не закончили в Южной Индии (а там кончать довольно трудно), то лучше бы задержаться. Впрочем, и Ф.И. Щербатской несколько иного мнения. С нетерпением ждем копии наших списков предметов, которые нам нужны и для ориентировки относительно характера сборов, и для представления Академии и Попечительному Совету (в интересах воздействия в отношении средств на дальнейшее). <...> Открытые листы давным-давно высланы» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 348–349].

В 1918 г., 15 апреля, директор МАЭ академик В.В. Радлов представил в Историко-филологическое отделение РАН справку, что в последнее время заканчивают свои работы научные экспедиции МАЭ — одна «под началом Г.Х. Мерварта» работает в Индии, другая — С.М. Широкогорова — в Северной Маньчжурии с весны 1914 г. Первая «успела собрать огромную коллекцию (свыше 250 ящичков) и обширный научный материал, который лежит в разных местах. По окончании войны благополучный вывоз его

из Индии возможен только при доставке лично и членов экспедиции. Кроме того, целый ряд предметов (модели и слепки) заказаны в самых различных местах, за них дан залог и их необходимо еще собрать, и к тому же крайне важно собрать хотя бы самые необходимые дополнения. Перерыв и прекращение работ экспедиции и немедленное возвращение ее членов в Россию привело бы к гибели всего собранного материала. Что касается размеров требующихся хотя бы минимальных расходов по экспедиции, то на основании опыта прежних лет потребуется на содержание участников экспедиции 700 фунтов (6000 руб.) и 800 фунтов (8000 руб.) на уплату по заказам и долгам прошлого года, т.к. за последние 9 месяцев экспедиция ничего не получала». Таким образом, на завершение обеих экспедиций потребуется в английской валюте 1900 фунтов стерлингов [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 73. Л. 87–91].

В письме, с оказией отправленном из Владивостока 19 июня 1920 г., Мерварты информировали МАЭ, что им пришлось сдать «на хранение в Индии (музеи Мадраса, Калькутты и склад чайной фирмы “Бубкин, Кузнецов и т.”, в Коломбо) 200 ящиков коллекций, которые не могли взять с собой за отсутствием средств» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1920. Ед. хр. 2. Л. 54]. Только «11 ящиков добыли оттуда. Принимаем меры для доставки коллекций в Россию. Желательно было бы знать, куда прикажете их везти, в Одессу, Петроград или Владивосток. Коллекции ценные, и среди них много материала, который легко портится от жары и влаги» [Там же. Л. 52–53 об.]. Как только восстановится привычное сообщение между Петроградом и Владивостоком и когда опять возможно будет возобновить работу в Музее, «то лучше всего было бы дать нам командировку и средства для доставления морским путем наших коллекций в Россию. Мы тогда поедем отсюда в Индию, погрузим коллекции и поедем в Россию» [Там же. Л. 52–53 об.].

Еще в одном письме, 20 июня 1920 г., А.М. Мерварт предполагал, что возможно «через здешний новый университет добиться средств, чтобы хоть на время доставить коллекции, собранные нами в Индии, сюда. Но это очень гадательно и в то же время

нежелательно, потому что, тратя деньги на доставку коллекций во Владивосток, университет приобретет некоторое, хотя бы моральное право на пользование этими коллекциями и упоминания. Если это временно, то против этого ничего нельзя иметь, но такое временное расположение имеет легко тенденцию стать постоянным» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1920. Ед. хр. 2. Л. 56 об., 57]. Для возвращения в Россию семьи, в которой был уже ребенок, необходимы деньги, документы, бесплатный проезд по маршруту Владивосток — Одесса или в Петроград, минимум 600 фунтов стерлингов. А.М. Мерварт позднее вспоминал: *«Комиссариат по Иностранным Делах, узнав о моем существовании здесь, послал через Уполномоченного Советского Правительства телеграмму, где мне предлагается немедленно, т.е. при первой возможности, выехать в Москву»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1920. Ед. хр. 2. Л. 57 об., 58].

Сотрудник Азиатского музея ИАН В.А. Иванов, застрявший в Калькутте, 25 мая 1921 г. отправил письмо старшему ученому хранителю МАЭ РАН, узнав, что открылось почтовое сообщение с Россией через Лондон: *«Как мне сообщили в Калькуттском The Indian Museum, там находятся депозитированные г-ном Мервартом коллекции, принадлежащие Вашему Музею. Я объяснил, что в настоящее время пересылка их в Россию крайне затруднительна, но что я могу напомнить письмом (в надежде, конечно, что оно дойдет до Вас)»* [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1921. Ед. хр. 17. Л. 5–5 об.].

Директор Government Museum в Мадрасе 17 июня 1922 г. обратился в МАЭ *«в связи с ящиками, содержащими этнографические коллекции, которые хранятся в этом Музее по просьбе д-ра Г. Мерварта для Вашего учреждения. Хотя они были сложены здесь около пяти лет назад, они до сих пор не были востребованы. Поскольку местонахождение д-ра Мерварта неизвестно и так как он проинструктировал, что ящики могут быть доставлены всякому, кого Ваш Музей уполномочит взять по ставку, я вынужден просить Вас сделать любезность организовать так, чтобы ящики были перемещены как можно скорее.*

Могу добавить, что ящики и их содержимое быстро уничтожаются белыми муравьями¹¹, и наиболее желательно, чтобы их осмотрели и немедленно увезли» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1922. Ед. хр. 170. Л. 220]. Суперинтендант мадрасского Государственного музея 8 ноября 1922 г. вновь просил ускорить изъятие этих коллекций из его ведения и предупредил, что перед отправкой они нуждаются в пересмотре компетентным лицом [Там же. Л. 236].

Составляя смету по возвращению экспедиции, 21 декабря 1922 г. директор МАЭ учитывал, что «той же опасности подвергаются части коллекций, хранящиеся на Цейлоне. Наконец, в Порт-Саиде застряли во время войны несколько ящиков с ценными коллекциями, высланные на адрес музея. В общей сложности коллекции, собранные экспедицией, количественно и качественно представляют совершенно исключительную ценность и в научном, и музейном отношении и совершенно недопустимо, чтобы эти коллекции, уж не говоря об огромных средствах и усилиях, потраченных на их добывание, пропали для России, для науки» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1922. Ед. хр. 5. Л. 12].

Совет МАЭ 16 мая 1921 г. для исполнения специальных поручений научного характера избрал К.И. Савича научным сотрудником без содержания, чтобы командировать его во Владивосток для вывоза оттуда коллекций, принадлежащих РАН, собранных в Индии хранителем Музея А.М. Мервартом [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1921. Ед. хр. 169. Л. 26, 29]. Академик Ф.И. Щербатской, командированный в Лондон в декабре 1921 г., добился согласия английского правительства «оказать содействие к эвакуации коллекций, но для перепакровки коллекций и безопасной транспортировки их необходимо личное участие гг. Мервартов» [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1921. Ед. хр. 17. Л. 10–10 об.]. 29 ноября 1921 г. было выписано удостоверение № 268 (на французском языке) Ф.И. Щербатскому, уполномочи-

---

¹¹ Термиты (лат. *Isoptera*, белые муравьи) — инфраотряд общественных насекомых с неполным превращением.

вающее его получить для МАЭ ящики А. Мерварта в Калькутте, Коломбо, Мадрасе и Александрии [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1921. Ед. хр. 17. Л. 8].

Коллекции, собранные в Южной Азии, возвращались в МАЭ тремя партиями. Первыми удалось вывезти ящики, хранившиеся в Indian Museum в Калькутте.

Двенадцатого июня 1923 г. с Гутуевской таможни доставлена в МАЭ прибывшая из Лондона на пароходе «Синус» часть индийских коллекций, собранных Мервартами, в количестве 71 ящик. *«Означенный груз сложен в одной из комнат второго этажа левого крыла здания бывшей библиотеки РАН. Из всего состава ящиков 17 досмотрено Таможней на месте, досмотр же остальных произведен в их нынешнем местонахождении 14–16 апреля с.г. К разборке коллекции и подготовке ее к выставлению будет приступлено немедленно после снятия пломб с помещения, что ожидается к ближайшему времени»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 3. Л. 60]. Академик-секретарь доложил ИФО РАН 5 сентября 1923 г., что в МАЭ произведена предварительная разборка коллекций, составлены описи, краткая характеристика коллекции [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1923. Ед. хр. 172. Л. 217об.].

В 1923 г., 26 июля, был завершен *«Отчет о работе по распаковке, учету и регистрации прибывавших из Индии для МАЭ 71 ящиков с коллекциями и книгами, весом брутто в 280 пудов».*

«Прибывшие коллекции собраны по командировке МАЭ РАН супругами Мерварт, отправившимися в Индию весной 1914 г. и прожившими там до весны 1918 г., когда они, не имея возможности вернуться в Петроград вследствие блокады и отсутствия средств, вынуждены были уехать во Владивосток, оставив коллекции на попечение посторонних лиц и учреждений.

Полученные 71 ящик с коллекциями и книгами были свезены Мервартами из разных мест Индии в Калькутту, где они хранились в подвалах Калькуттского Музея. Остальные коллекции хранились в Мадрасе, Коломбо, Порт-Саиде и др. местах. После двух лет хлопот старшего этнографа Музея Л.Я. Штернберга

ныне полученные коллекции были привезены наконец в Лондон, где они были перегружены на советский пароход и прибыли в Петроград 12 июня с.г., причем 15 ящиков без предупреждения АН были немедленно вскрыты, как “актовые”, т.е. как прибывшие с повреждениями. Благодаря ходатайству АН ввиду настойчивых энергичных хлопот В.Г. Богораза¹² удалось добиться того, что коллекции были доставлены безвозмездно на 6 подводах в Музей и там же произведен таможенный и цензурный осмотр, продолжавшийся три дня сряду, с утра до 4–5 час. В субботу, 7-го июля с.г., таможенные печати были наконец сняты, и с понедельника 9 июля мною было приступлено к работе по распаковке, очистке от упаковочного балласта, учету и регистрации коллекций. В этой работе деятельное участие принимал Б.Н. Вишневский (2 дня) и А.Б. Пиотровский (7 дней).

Прежде всего были выделены и отправлены по назначению два ящика с книгами по адресу АН, прибывшие вместе с ящиками музейными. Затем были перенесены в библиотеку МАЭ ящики с книгами, негативами, многочисленными изображениями и т.п. По произведенному библиотекарями Музея подсчету книг оказалось 600. Если принять во внимание, что, как видно из писем Мервартов, посланных во время экспедиции, книги собирались планомерно, со знанием дела и с любовью к избранной дисциплине, можно с чувством удовлетворения сказать, что Музей приобрел богатейшее собрание книг по этнологии Индии. Что касается негативов, пленок, рисунков и пр., то им в ближайшем будущем также будет произведен учет.

Прибывшие 71 ящик составляют около 1/3 всего собранного экспедицией Мервартов и составляют 2194 этнографических предмета, не считая книг, негативов и т.п. Ввиду того, что экс-

---

¹² Богораз Владимир Германович (1865–1936) — революционер, этнограф, писатель, лингвист. Участник нескольких экспедиций на северо-востоке Азии. Сотрудник МАЭ (с 1918 — зав. отделом Южной Америки), создатель Института народов Севера, первый директор Музея истории религии (1932).

педиция эта совпала с эпохой мировой войны и революции и потому многие письма, отчеты и материалы не дошли до Музея, то пришлось отказаться пока от обычного принятого в Музее способа классификации предметов по географическим областям, народам и характеру и назначению предметов, за отсутствием точных данных. Поэтому впредь до приезда самих собирателей или до получения от них точных данных и указаний я сочла¹³ наиболее целесообразным следующий способ учета и временной регистрации. Все ящики с коллекциями перенумерованы в числовом порядке; все предметы данного ящика тоже перенумерованы. Номер ящиков, соответствующих обычно принятому порядковому номеру постоянной коллекции и предметным номерам в числовом порядке, начиная от № 1. Составленный параллельно временно список-перечень предметов данного ящика показывает как состав коллекции, так и количество предметов в ней. По окончании регистрации каждая коллекция, с исключением некоторых наиболее ценных вещей, помещенных в шкаф, обратно укладывалась в ящик. Это вызвано было также теснотой отведенного под индийские коллекции помещения. Не вынимались из ящиков, а лишь регистрировались, лишь хрупкие большие гипсовые фигуры, из опасения, чтобы они не разбились.

Состав коллекции весьма разнообразен, и при составленных пояснениях собрания эти могут дать яркую картину быта и культа обследованных народностей. Пока ограничусь лишь указаниями некоторых отдельных групп предметов и их числа, более или менее точного.

1) Идолы в виде бюстов, в одежде и без одежды, колонна с фигурами (1 в 2 м высотой) и т.п., в т.ч. гипсовые фигуры Будды, идолы бронзовые и т.п. — 37.

2) Крупные модели храмов, зданий, мастерской, свайных построек, селений, божеств из гипса и глины, часть из дерева и т.п. — 20.

---

¹³ Из контекста неясно, кто из сотрудников МАЭ составил данный отчет.

3) Музыкальные инструменты самых разнообразных форм и видов — струнные, духовые, ударные (гонги, барабаны, пр.) — 59.

4) Предметы одежды, рубахи, штаны, платья и шали — из бумажной, шерстяной и шелковой ткани, платки расшитые, войлочные, ковры (11) — 110.

5) Головные уборы, пестрые, расшитые, есть и соломенные — 28.

6) Металлические (медные, латунные, бронзовые и др.) сосуды, чаши, светильники и пр., культурно-бытового значения; в т.ч. 9 самоваров-чайников с тисненым узором, из которых несколько очень больших и тяжеловесных (один около метра высотой); некоторые с инкрустациями или стилизациями — 108.

7) Оружие: луки, стрелы (много, судя по украшениям, церемониальных), секиры и т.п., а также 9 панцирей, из которых несколько весьма больших размеров и очень своеобразного типа — 109.

8) Украшения: ожерелья, серьги, перстни, запястья, браслеты ножные (много массивных ножных поножей с побрякушками) и ручных, запястья, бусы и т.п. из металла, цветных камней, бисера, разноцветного стекла, фарфора и т.п. — 422.

9) Образцы шитого орнамента по ткани с туземными названиями каждого — более 300.

10) Штампы для орнамента, для набивных материй — предметы, самых разнообразных видов, по-видимому, дублиеты отсутствуют — 280.

11) Керамика: глиняные горшки с орнаментом и без орнамента, кувшины, горшки, неподвижно вделанные в своеобразные корзинки, фаянсовые изразцы (13 шт.) с интересным орнаментом, тарелочки, чаши и т.п.

12) Корзины, плетенные из соломы, пальмовых листьев и т.п., некоторые разноцветные с крышкой — 38.

13) Образцы резьбы по дереву, ажурные и рельефные; между прочим, 7 или 8 больших шкатулок с рельефным изображением дракона и пр.

14) Мелкие фигурки гипсовые или металлические, бытового и культового значения: типы народов, типы профессий, бож-

ства и т.п., не считая множества фигур при моделях храмов и пр. — 74.

15) Модели мелкие горшков, мебели, повозок, фруктов и т.п. Очень интересна прекрасно выполненная коллекция (14 пр.) лодок и лодок-домов с моделями внутри обстановки.

16) Игрушки и игры: куклы, волчки и т.п. (очень много из дерева, глины, меди и пр.).

17) Обувь: сандалии и туфли деревянные, соломенные и т.п., есть и обрядовые, например соломенные туфли невесты, в которых она является в дом жениха.

18) Орудия: ткацкий станок в натуральную величину с начатой тканью, ступки, жернова, ножи, пилы и пр.

19) Веера, маски (деревянные и глиняные) и многое другое.

В общем, против ожидания, коллекции прибыли в сравнительно хорошем состоянии, надо думать, благодаря тому отчасти, что ящики изнутри обиты были цинковыми листами, и белые муравьи почти не проникали в них. Большие пострадали предметы ломкие, глиняные и гипсовые. Всего сильно поврежденных вещей 22, а именно: 14 горшков, из которых многие легко реставрируются, и 2 фигуры (разбиты головы), повреждены сильно 6 предметов шерстяной одежды. Пострадали также мелкие части из некоторых моделей зданий и пр., и еще кой-какие предметы из шерстяной одежды, но слабо. Таким образом, процент погибших объектов ничтожный и может по реставрации быть сведен к нулю.

Работа по учету и регистрации закончена во вторник 24.07, и помещение, где коллекции хранятся, опечатаны музейной печатью» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 3. Л. 81–84].

Эта часть коллекции, собранной Мервартами в Индии, поступившая в МАЭ в 1923 г., включала 2179 предметов [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 5. Л. 11].

Затем организационные усилия Академии наук были направлены на то, чтобы собрать ящики, хранившиеся в других портах Азии.

Отдел англо-саксонских и романских стран отдела Запада Народного комиссариата иностранных дел РСФСР 26 июля 1923 г.

№ 3А/620 в связи с ведущейся перепиской о возвращении Академии наук этнографических коллекций, собранных Мервартами, срочно запросил у МАЭ и Уполномоченного НКВД в Петрограде засвидетельствованные копии документов, устанавливающих, что ящики, хранящиеся в Бомбее, Мадрасе, Калькутте, Коломбо, Александрии и Порт-Саиде, являются частями коллекции Мервартов и принадлежат РАН, а также просил указать количество ящиков и названия учреждений, коим ящики сданы на хранение [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 4. Л. 125]. 31 июля 1923 г. в Москву был отправлен ответ:

«1) Одна часть коллекций, имеющихся храниться в Калькутте, в качестве 71 ящика, через посредство представительства СССР, уже получена Музеем; что касается остальных частей коллекций, то они хранятся в следующих пунктах: 2) в Government Museum в г. Мадрас, в Индии, до 100 ящиков (прилагается копия письма директора Мадрасского Музея). 3) в Коломбо, на о. Цейлон, в складах чайной фирмы Губкина, Кузнецова (переведены зав. фирмой г. Титову, письмо г. Мерварта от 18 сентября 1917 г.). 4) в Порт-Саиде в Таможне — 4 ящика, доставленные на пароходе Добровольного Флота “Воронеж” в 1914 г. (копия отношения Добровольного Флота). Возможно, что они пересланы в Александрию. Управляющему СТО на пароходе “Декабрист” т. Красинскому, отправленному на Дальний Восток, даны полномочия по получению и доставке упомянутых коллекций. При сем прилагаются: 1) копия письма директора Мадрасского Музея и 2) копия отношения Добровольного Флота от 22 сентября 1916 г. за № 3857. Директор Музея Карский. Секретарь Дудин» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 3. Л. 88–88 об.]

Попавшие в 1914 г. в Порт-Саид ящики с цейлонскими коллекциями так и не были обнаружены. Вероятно, они были проданы, после того как Академия наук перестала платить за их хранение после революции 1917 г.

В ответ на отношение от 23 августа 1923 г. № 201 МАЭ РАН сообщил, что *«коллекции из Калькутты уже получены, а храня-*

щиеся в Мадрасе, как видно из прилагаемой копии письма директора Мадраcского музея, уже переданы г-ну Красинскому. Что касается копии письма Мерварта, то оригинал его передан как документ т. Красинскому, а потому Музей сообщает выписку из письма касательно места хранения коллекции: 23 сентября 1927 г. около 100 ящичков находятся в Indian Museum в Мадрасе, 25 ящичков в Складе Чайной фирмы “Губкин, Кузнецов”, Коломбо» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 3. Л. 99].

Уполномоченный Наркомпути Г.Д. Красинский, командированный на Дальний Восток на пароходе «Декабрист», был уполномочен «МАЭ при РАН получить в Коломбо 26 ящичков с этнографическими коллекциями, собранными д-ром Мервартом в 1914 г. и оставленными на хранение у фирмы “Кузнецов, Губкин и Ко”. Музей вместе с тем выражает свою глубочайшую признательность представителям фирмы и в, частности, управляющему ее делами г. Титову за их просвещенное содействие русской науке в лице АН и ее МАЭ» (6 июня 1923 г. он получил доверенность на английском языке на бланке МАЭ) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 3. Л. 44, 51].

В сентябре 1923 г. Г.Д. Красинский, «которому поручено было получить коллекции Музея, хранящиеся в Мадрасе, Коломбо и Японии, сообщает в письме на имя С.Ф. Ольденбурга и Л.Я. Штернберга, что в первых двух пунктах ему удалось получить коллекции, тщательно их переупаковать и вывезти их в Сингапур, где они сданы на хранение и застрахованы. На обратном пути из Владивостока их заберет и доставит в Петроград русский пароход “Декабрист”. Что касается коллекций, хранящихся в Японии, Красинский сообщает, что к концу августа он должен был быть в Японии и озаботиться об их получении. Сообщая об этом, Музей считает справедливым, чтобы Конференция осведомила Комиссариат Просвещения, Внешторг и Комиссариат Иностранных дел о громадной услуге, бескорыстно оказанной т. Красинским спасением для науки с таким трудом и усилиями собранных ценных коллекций и выразить ему через эти учреждения свою признательность за понесенные им большие

труды и проявленную им чрезвычайную энергию и настойчивость при исполнении возложенного на него поручения. Что касается произведенных им и связанных с возложенным на него поручением расходов, просить Комиссариат Просвещения о скорейшем возмещении их по представлению Красинским окончательного расчета» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 3. Л. 106–106 об.]. Наркомпрос РСФСР, АкадемЦентр Главного управления научных учреждений (Главнаука) 11 октября 1923 г. № 8367 на отношении РАН № 1859 от 28 сентября 1923 г. сообщает, «что возмещение расходов по доставке коллекций Г.Д. Красинскому должно быть произведено из средств, отпускаемых Академии» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 4. Л. 218].

Двадцатого октября 1923 г. Народный комиссариат внешней торговли № 6582/219433 сообщил Петроградской портовой таможне, что «на прибывающем в ближайшее время в Петроград из Владивостока пароходе “Декабрист” находятся: а) 92 места этнографических коллекций; б) 14 мест чайных коллекций, собранных в 1917–1918 гг. экспедицией Временного Правительства. Сообщаем об этом, и, руководствуясь Постановлением СНК от 15 марта 1922 г., Таможенное Управление предлагает Петроградской Портовой Таможне указанный выше груз выпустить АН бесплатно» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 4. Л. 278].

Итак, коллекции были доставлены и даже освобождены от таможенной пошлины. Эти 120 ящиков с коллекциями из Дальнего Востока было некуда выгрузить. Ввиду крупного объема ящиков размещение их требовало обширного помещения, где возможно было бы их вскрыть для таможенного осмотра. Единственным пригодным помещением был большой зал второго этажа Русского отделения Библиотеки Академии наук, который в то время был свободен [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 3. Л. 119]. Директор Библиотеки Н.К. Никольский 29 октября 1923 г. разрешил предоставить просимое помещение [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 4. Л. 232]. Поскольку в зале оставалась еще часть книг, не перевезенных в новое здание, а также

имущество Библиотеки в виде шкафов, электрических приборов и прочего, было поставлено условие, «чтобы эти коллекции после их таможенного осмотра оставались бы опять в ящиках и чтобы доступ к ним был в присутствии лишь представителя библиотечной администрации» [Там же. Л. 276]. Но, когда 30 октября 1923 г. в МАЭ были доставлены эти 120 ящиков, выяснилось, что «Музей в его старом здании не располагает необходимым помещением, помещение же, отводимое для этой цели администрацией Библиотеки РАН в новом здании, недостаточно по площади и узости дверей, Музей просит Правление сделать зависящее распоряжение о предоставлении ему двухсветного зала первого Отделения Библиотеки. При этом Музей необходимым считает объяснить, что возьмет на себя исполнение всех возможных для него условий, какие администрация Библиотеки ему доставит, для совместного пользования этим залом, буде такое неизбежно» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 3. Л. 118]. Это было разрешено делать, но в присутствии сотрудников Библиотеки [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1923. Ед. хр. 19. Л. 100]. 7 января 1924 г. хозяйств выделила дрова «для отопления двух прилегающих в здании Музея комнат, чтобы дать возможность сотрудникам Музея разобрать и составлять опись второй партии коллекций А.М. Мерварта» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 2. Л. 6].

На заседании Общего собрания РАН № 8 3 ноября 1923 г. и.о. Непременного секретаря академик А.Е. Ферсман доложил, что «собранные в Индии сотрудником МАЭ Мерварт этнографические коллекции, хранившиеся с 1914 г. в Мадрасе, Коломбо и Шанхае, вывезены, благодаря усилиям Уполномоченного Наркомпути г. Красинского, из-за границы и доставлены в Петроград, причем г. Красинский выполнял это поручение РАН и, не располагая нужными на указанный предмет кредитами, вынужден был позаимствовать на означенную цель 310 ф. ст. у посторонних учреждений, каковым вышеупомянутая сумма и должна быть возвращена. Положено: 1) благодарить г. Красинского за бескорыстное выполнение им поручения АН по доставлению в Россию

ценных в научном отношении коллекций; 2) просить Правление внести в смету 1923–1924 гг. 310 ф. ст. на указанные выше надобности» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1923. Ед. хр. 172. Л. 29 об.]. Непременный секретарь 1.11.1923 ходатайствовал о включении в Юбилейный кредит 1924 г. и об отпуске в срочном порядке 310 фунтов стерлингов для уплаты расходов по доставке коллекций, собранных учеными хранителями МАЭ в Индии [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 4. Л. 239].

Г.Д. Красинский потратил на вызволение коллекций много энергии и усилий, «испытывав при этом от индийских властей целый ряд неприятностей вплоть до ареста в качестве опасного гражданина». ИФО РАН и Главнаука обратились в Наркоминдел «о выяснении причин недоброжелательного отношения Британских Колониальных властей к Г.Д. Красинскому при выполнении им научного поручения РАН. Желательно самостоятельно осведомиться об этом со стороны РАН» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1924. Ед. хр. 173. Л. 179].

Г.Д. Красинский вывез все российские коллекции, которые мог выявить, в том числе чайную коллекцию из Шанхая, что стало для АН неожиданностью. 10 ноября 1923 г. на запрос Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции за № 7605 в Канцелярию РАН в ответе № 440 МАЭ сообщал:

«1) Запрос касается коллекций, добытых г. Красинским по собственной инициативе в Шанхае и направленных им в адрес Академии ввиду того, что собрана она научной экспедицией и включает в себе образцы всего того, что касается культуры чая. Коллекция эта может иметь, судя по этикеткам, большое значение для развития чайной культуры на Кавказе и в Крыму, помимо того, что коллекция эта может иметь значение и чисто научное для ботанических исследований.

2) Так как коллекция эта в Академии еще не получена и, следовательно, ознакомиться детально с ней не удалось, то дать полную оценку ее научного значения сейчас невозможно.

3) Коллекция эта собрана научной экспедицией, состоящей, по-видимому, из ученых фармакологов, командированных Мини-

стерством Торговли или Финансов. Никаких сведений, кроме предположений, об этой экспедиции не имеется.

4) Коллекция эта, как видно из предыдущего, должна считаться собственностью СССР, а какому ведомству она должна быть передана, это решится по получению и рассмотрении коллекции.

5) Г.Д. Красинский — уполномоченный по рейсу “Декабриста” на Дальнем Востоке, который, по просьбе АН принял на себя выручить и доставить в Петроград ценные этнографические коллекции, собранные экспедициями АН в 1914–1918 гг. в Индии, каковое поручение он добросовестно и бескорыстно выполнил» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 192. Ед. хр. 3. Л. 123–123 об.].

Для получения этих 14 ящиков коллекций, прибывших на пароходе «Декабрист» в октябре 1923 г. вместе с коллекциями Мервартов из Индии и предоставленных в распоряжение РАН 24 марта 1924 г., необходимо было уплатить 30 руб. золотом за полежалое. Коллекции не были своевременно получены за отсутствием средств на выкуп. «Ныне все пошлины и акцизы сняты, а задержка в получении произошла не по вине Музея, а по случаю заболевания М.М. Гранстрема. Документы на 14 ящиков с коллекциями, прибывшими на пароходе “Декабрист” с коллекциями А.М. Мерварта: 1) квитанция № 2168 Сухопутной таможни на 8 руб. 41 коп.; 2) счет № 1372 Добровольного Флота на 8 руб. 70 коп. 3) счет И.Н. Субоча на доставку в МАЭ 7 руб. 50 коп.; 4) счет его же за проезд на трамвае 42 коп. Итого 25 руб. 03 коп. золотом» [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1924. Ед. хр. 25. Л. 15, 17]. Оплата осуществлена из остатков Ученого кредита.

Директор МАЭ РАН академик Е.Ф. Карский 7 апреля 1924 г. уведомил неперменного секретаря РАН: Канцелярией Конференции РАН 27 октября 1923 г. за № 2178 председателю Чаеуправления¹⁴ т. Савичеву была отправлена бумага следующего содержания: «Вследствие полученного сообщения о прибытии вывезенных

---

¹⁴ Государственный чайный, кофейный и цикорный трест (Чаеуправление) ВСНХ СССР (1923–1926).

т. Красинским из Коломбо, Мадраса и Шанхая этнографических коллекций МАЭ, РАН сообщает, что ею возбуждено ходатайство об отпуске кредита на уплату 300 фунтов стерлингов, занятых т. Красинским на доставку указанных выше коллекций у Чаеуправления, каковая сумма и будет Вам внесена немедленно по ее получении». Как видно из этого, РАН признала за собою долг в сумме 300 фунтов стерлингов и возбудила ходатайство об отпуске кредита на его погашение перед Центральным управлением. В этом, по мнению МАЭ, заключался единственный путь для погашения упомянутого долга как выходящего за пределы сметы. Ввиду того, что Чаеуправление в том же отношении сообщает, что оно «более заинтересовано оформлением своей отчетности, чем сущностью настоящего дела, МАЭ полагает желаемым выразить признательность Чаеуправлению за такое его просвещенное отношение к нуждам Академии. Отношение Чаеуправления за № 3966 при сем возвращается» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 5. Л. 51]. 9 апреля 1924 г. Чаеуправление просило РАН о возмещении ему долга по перевозке индийских коллекций для МАЭ, переписку по делу передали в Правление РАН для выяснения возможных способов оплаты [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1924. Ед. хр. 173. Л. 189].

Двенадцатого апреля 1924 г. состоялся досмотр 14 ящиков «Чайной коллекции», сложенной после доставки из таможни в зале 2-го этажа 1-го отделения Библиотеки РАН. Ящики не имели повреждений, но по брутто — везде недостача. Имелся чай байховый в больших и малых жестянках, книги, альбомы, банки пустые, чайные сита, чай кирпичный, плиточный, склянка с водкой в деревянном футляре, книги по чайному и кофейному производству на иностранных языках, медицинские препараты, образцы кофе в бумажных свертках. Всего чая байхового в разной укупорке 585 мест 11 пудов 29,5 фунта, чая кирпичного 27 мест 2 пуда 3,5 фунта. Чай и образцы кофе сложены в десяти ящиках, обвязаны шнуром и опечатаны. Ящик с книгами и сита оставлены открытыми [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 2. Л. 121–122]. Недоумение таможенников

вызвала бутылка индийского арака весом 1 фунт 35 золотников. 14 апреля 1924 г. директор МАЭ РАН удостоверял, что она прибыла в составе 14 ящиков чайной коллекции и предназначена для научных целей [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 5. Л. 8]. О результатах разборки этой партии индийских коллекций было доложено 19 апреля 1924 г. в Историко-филологическом отделении РАН [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 5. Л. 56].

24 апреля 1924 г. Президиум РАН разрешил 1) уплатить 130 фунтов стерлингов Государственному Балтийскому пароходству за перевозку индийской коллекции для МАЭ, из них 20 фунтов стерлингов за провоз и 110 выдано Красинскому; 2) о задолженности АН 200 фунтов стерлингов Государственному тресту «Чаеуправление», взятых уполномоченным Наркомпути Г.Д. Красинским за провоз во Владивосток для перевозки ящиков с теми же коллекциями. Постановили: включить в смету 1923/24 гг. на Юбилейный кредит. Там есть статья *«на перевозку этнографической коллекции Мерварта, вывезенной по поручению Академии из Бомбея, Мадраса и др. городов тов. Красинским на пароходе “Декабрист” (100 ящ.) испрашивается 2000 руб.»* Поручить администрации МАЭ вступить в переговоры по урегулированию вопроса, причем ввиду отсутствия предусмотренного для сего у РАН кредита разрешить предоставить в счет уплаты около 10 пудов чая [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 2. Л. 146].

Последнюю часть коллекции Мервартов предстояло вывезти из Владивостока.

В июле 1923 г. директор МАЭ уполномочил ректора Государственного Дальневосточного университета (далее — ГДУ¹⁵) во Владивостоке В.И. Огородникова *«получить хранящиеся у Научно-Технического Общества в Благовещенске ящики с этногра-*

---

¹⁵ Государственный Дальневосточный университет создан в г. Владивостоке в 1920 г. на базе Восточного института. Ныне — Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ).

фическими и археологическими коллекциями, собранные экспедициями Музея Антропологии и Этнографии Российской Академии Наук, и переслать их на пароходе “Декабрист” в Петроград по адресу Российской Академии Наук, Музей Антропологии и Этнографии» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 3. Л. 72]. 17 сентября 1923 г. тот сообщил, что обследовал коллекции, принадлежащие Академии наук, в Городском музее г. Благовещенска на-Амуре — коллекцию С.М. Широкогорова (по поручению Л.Я. Штернберга), и что в здании университета хранятся шесть ящиков индийских коллекций, собранных супругами Мервартами. «Лично я узнал об этом имуществе Академии наук на днях, в связи с учетом всего имущества Университета, находящегося до сих пор в разных местах г. Владивостока. О состоянии этой коллекции и о возможности скорейшей доставки ее в Петроград я сообщу Вам в ближайшее время» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 4. Л. 206–207]. Директор МАЭ просил принять меры по дальнейшей охране коллекций до того времени, когда Музей получит возможность принять их для доставки в Петроград [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 3. Л. 113].

Ректор ГДУ проф. В.И. Огородников в дополнение к письмам в МАЭ от 17 сентября и 15 ноября 1923 г. подробно уведомил Конференцию РАН 12 декабря 1923 г. «о собрании индийских предметов, составленном бывшим преподавателем ДВУ А.М. Мервартом и в настоящее время хранящемся в здании Университета (в 8–12 ящиках)».

«Упомянутый гр. Мерварт поспешно покинул Владивосток осенью 1922 г., незадолго до эвакуации города белыми и японскими войсками, и переехал в Харбин, где, по частным сведениям, он проживает и поныне, находясь на службе в Русско-Азиатском банке. Поэтому я не могу сказать определенно, все ли хранящееся в Университете составляет собственность Академии наук, или же часть предметов, входящих в индийское собрание, принадлежит лично гр. Мерварту. Равным образом, у меня нет также определенных сведений и о том, вошли ли в названную коллекцию все предметы, собранные гр. Мервартом во время его поездки в Индию, или же

хранящиеся в Университете ящики заключают в себе только часть большой индийской коллекции, подлежащей пересылке в Академию наук.

Собственно, предметы коллекции сложены в 8 ящиках, общим весом до 30 пуд. Все ящики, за исключением одного (с глиняными статуэтками), по словам зав. Хозяйством Университета, были вскрыты самим гр-м Мервартом незадолго до его отъезда из Владивостока и в таком виде, прикрытые сверху кипами газетной бумаги, оставлены им в одной из университетских кладовых, где и были обнаружены в августе сего года. Тогда же вр.и.о. Ректора Университета проф. А.В. Гребениковым был произведен первый беглый осмотр содержащихся в них предметов, о чем я и сообщил в конце своего письма, адресованного в МАЭ. Кроме того, имеется еще 4 ящика книг и рукописей весом до 25 пудов.

На днях я, старший химик Минералогической Лаборатории Академии наук К.А. Ненадкевич, и зав. Хозяйством Университета произвели вторичный осмотр всех ящиков, оставленных гр. Мервартом. 1 ящик занят национальными индийскими музыкальными инструментами, частью духовными, но преимущественно струнными (тип домры), причем корпуса самих инструментов оказались целыми (по крайней мере при поверхностном осмотре), струны же у некоторых из них порваны. В двух следующих ящиках хранятся деревянные доски-пластины, каждая размером около 1 кв. фута, с вырезанными на них своеобразными узорами (горельеф). Большинство этих досок-пластин обернуто в тонкую бересту, каждая отдельно. Точное назначение этих предметов неизвестно; предположительно же их можно считать филенками для украшения стен комнаты либо храма, или же внешних стенок гробницы. Два следующих ящика заняты глиняными раскрашенными статуэтками. Так как один из этих ящиков прекрасно упакован, то мы не вскрывали его. Статуэтки, осмотренные нами, имеют размер до 1 четверти длины и изображают мужчин и женщин кавказского типа, в пестрых костюмах, а женские фигуры, кроме того, со сложными головными уборами. Некоторые

статуэтки представляют собою, по-видимому, изображения божеств. Наконец, в трех последних ящиках сложены предметы домашнего обихода, как то: разноцветная одежда, седло и домашняя посуда, частью глиняная, но преимущественно медная. Что касается четырех ящиков с книгами и рукописями, то они, по частным непроверенным сведениям, являются, по-видимому, личной собственностью гр. Мерварта. Все ящики в хорошем состоянии, причем некоторые из них внутри выложены тонкою белою жостью; предметы же коллекции переложены соломой и другими упаковочными материалами. Никакой описи коллекции не имеется.

Для точного установления принадлежности индийской коллекции (частично или целиком) Академии наук, Конференции ее или же МАЭ необходимо обратиться за соответствующими разъяснениями к самому гр. Мерварту. Перевозку коллекции из Владивостока в Петроград можно произвести на одном из пароходов «Добровольного Флота» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 4. Л. 265–266].

В 1923 г., 24 декабря, руководство РАН выразило ректору Государственного Дальневосточного университета В.И. Огородникову благодарность за сведения и хлопоты по осмотру и хранению коллекций. «Они — результат командировки А.М. Мерварта в Индию и являются [собственностью] МАЭ. Хлопоты МАЭ о предоставлении А.М. Мерварту права бесплатного проезда в Петроград и провоза коллекций успешно закончены. Судьба коллекций определяется тем маршрутом, который будет дан А.М. Мервартом, который уже поставлен Музеем в известность о представленном ему праве» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 3. Л. 124].

А.М. Мерварт продолжил хлопотать о коллекциях, оставленных во Владивостоке, о скорейшем доставлении их в Ленинград. Ректор ГДУ 25 февраля 1925 г. ответил по телеграфу о мерах к отправке коллекций [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1925. Ед. хр. 174. Л. 149 об.]. 21 мая 1925 г. из Главнауки Наркомпроса в МАЭ сообщили (документ № 23/35376) что Тарифный коми-

тет удовлетворил ходатайство АН о бесплатной перевозке коллекций, собранных в Индии А.М. Мервартом, в количестве 12 ящиков (50 пудов), направленных от Владивостока до Ленинграда в адрес РАН. *«Соответствующее распоряжение дано Правлению Октябрьской железной дороги и Начальнику Уссурийской железной дороги нашей телеграммой № 23/30987»* [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1925. Ед. хр. 20. Л. 149]. А.Н. Криштофович по пути на о-в Сахалин в мае 1925 г., согласно поручению, *«осмотрел во Владивостокском Университете индийские коллекции А.М. Мерварта и нашел их в полном порядке, а упаковка их (ящики) вполне пригодна для следования по железной дороге в Ленинград. Ректор ГДУ профессор В.И. Огородников и Зав. Хоз. ГДУ Заседателей выразили любезное согласие тотчас по получении от Академии уведомления о разрешении бесплатной перевозки послать коллекции в Ленинград, произвести необходимую небольшую перепакровку и укладку ящиков, оказавшихся вскрытыми, что вызовет расходы около 20–25 руб. вместе с доставкой их на станцию железной дороги. Я со своей стороны готов оказать всякое дальнейшее содействие на обратном пути через Владивосток»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 5. Л. 243]. Ректор В.И. Огородников телеграфировал непременно секретарю АН С.Ф. Ольденбургу 2 июля 1925 г.: *«Коллекции Мерварта отправляю первого накладные письмом»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 6. Л. 19].

Академик Е.Ф. Карский 5 октября 1925 г. просил директора Хабаровского Краеведческого музея В.К. Арсеньева посодействовать *«всеми возможными для Вас мерами скорейшей высылке в Музей 12 ящиков с коллекциями и книгами А.М. Мерварта, находящихся на хранении во Владивостокском Государственном Университете»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 8. Л. 70 об.]. 30 октября 1925 г. в МАЭ прибыли хранившиеся в Государственном Дальневосточном университете 11 ящиков с индийскими коллекциями ученого хранителя А.М. Мерварта, заключавшие в себе 811 предметов быта и 150 книг [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 8. Л. 86]. Новые

поступления были зарегистрированы собирателями в течение 1924–1928 гг.

3.4. Создание экспозиции и отдела Индии в МАЭ

К 200-летию АН предстояло создать новые экспозиции МАЭ, которому были предоставлены новые площади в помещении здания Кунсткамеры, после того как оттуда в новое здание была переведена Библиотека Академии наук. Были выделены средства, в частности на изготовление манекенов и моделей для выставки.

В ноябре 1924 г. зав. индийским отделом А.М. Мерварт начал работать с художником П.А. Смеловым — мулером-модельщиком, реставратором, который четыре года служил в Русском музее, а для МАЭ сделал муляжи с предметов Мезенской стоянки [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 2. Л. 397]. Павел Александрович Смелов (1874 г.) получил среднее специальное образование (художественная школа в Казани и Академия Жульена в Париже) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 8. Л. 65–69]. Необходимо было для отдела Индии реставрировать модели, создавать манекены и этнографические фигуры. Эту работу выполняли также художники А. Вернер, Н.Ф. Вальдман, Н.В. Дыдыкин, С.И. Юнкер-Крамская.

Из юбилейных сумм на установку и монтировку коллекций 28 мая 1925 г. было уплачено Н.Ф. Вальдману 104 руб. за женскую фигуру андаманки с ребенком для отдела Индонезии, раскрашенную и в парике, 3 июня — 80 руб., за фигуру андаманца, 19 августа — 8 руб. 80 коп. за 1 пару рук и 1 пару ног; Н. Дыдыкину 10 июня — 106 руб. за фигуру сидячую брамина и мужскую голову с наклеенной бородой; А. Вернер 11 июля — 140 руб. за работы для отдела Индии и 19 августа — за бюсты тамилки, сингалезки, пару рук для сингалезки и пару ног. Тогда же С.И. Юнкер-Крамская для отдела Индии изготовила модели [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1925. Ед. хр. 20. Л. 151, 160, 164, 225, 293, 295, 317]. В.И. Бальсевич изготовил макет малайской деревни [Там же. Л. 370].

В ноябре 1924 г. Мерварты завершили краткий отчет об экспедиции в Индию и на остров Цейлон в 1914–1918 гг. [СПбФ

АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 5. Л. 149–151]. На заседании ИФО РАН № 16 3 декабря 1924 г. директор МАЭ представил отчеты о командировках сотрудников МАЭ А.В. Шмидта в Пермскую губернию, Г.И. Петрова в Марийскую область, Б.Н. Вишневого в Чувашскую область, И.И. Козьминского в Костромскую губернию, А.М. и Л.А. Мервартов в Индию, Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораз-Тана на XXI Научный конгресс американистов. Отчеты были переданы в Комиссию по научным экспедициям, собирателям выражена благодарность за собранные коллекции [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1924. Ед. хр. 173. Л. 218 об.]. Председатель Комиссии по научным экспедициям АН СССР (Тучкова наб., 2а) неприменный секретарь академик С.Ф. Ольденбург ответил о невозможности предоставления более трех печатных листов для публикации отчета по экспедициям и командировкам МАЭ за 1925/1926 год, включая и отчет А.М. и Л.А. Мервартов об этнографической экспедиции в Индию в 1914–1918 гг., и просил предоставить все отчеты в Комиссию по экспедициям одновременно [Там же. Л. 338]. 15 сентября 1926 г. дирекция МАЭ просила Историко-филологическое отделение АН СССР напечатать «Отчет об этнографической экспедиции в Индию в 1914–1918 гг. А.М. и Л.А. Мервартов» вместе с другими отчетами по экспедициям [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1926. Ед. хр. 175. Л. 161]. 16.02.1927 Ф.И. Щербатской констатировал отсутствие полного отчета по последней командировке сотрудников МАЭ в Индию, Мерварты просили сообщить академику-секретарю И.Ю. Крачковскому список их докладов и статей отчетного характера, как напечатанных, так и намеченных [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 5. Л. 129]. Отчет был опубликован только в 1927 г. [Мерварт, Мерварт 1927].

Масштаб экспедиции поражал. В справке, подготовленной дирекцией МАЭ в Канцелярию Конференции Академии наук в 1925 г., перечислены выдающиеся моменты истории музея: 1901 г. — переустройство МАЭ, 1908 г. — надстроен III этаж, 1914 г. — большая экспедиция А.М. и Л.А. Мервартов в Индию, 1925 г. — переход в новое здание (бывшей Библиотеки РАН)

в связи с перевыставлением коллекций музея [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 8. Л. 7]. Это свидетельствует о том, насколько важно было возвращение этой экспедиция для МАЭ.

Не только Академия наук высоко оценила итоги экспедиции. Материалы привлекли внимание общественности. Фирма Press-Photo-News-Service запросила фотографии из собрания А.М. и Л.А. Мерварт для распространения. Дирекция МАЭ в этом отказала, так как фотоматериалы находились в процессе научной обработки [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 7. Л. 28]. 11 февраля 1925 г. академик С.Ф. Ольденбург рекомендовал МАЭ предоставить для прессы некоторое число фотографий [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 5. Л. 40].

А.М. Мерварт успел составить путеводитель по индийскому отделу к Юбилейной выставке к 23 июля 1925 г. и за эту сверхурочную работу просил выплатить ему из сумм МАЭ 150 руб. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 6. Л. 61]. Перепечатку путеводителя по отделу Индии к 11 августа 1925 г. осуществила Т.А. Корвин-Круковская [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1925. Ед. хр. 20. Л. 336]. Но печатание путеводителя по отделу Индии МАЭ А.М. Мерварта было отложено до осени, поскольку годовая норма МАЭ составляла 15 печатных листов, а текст в этот объем не был включен [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 5. Л. 467]. Только 28 сентября 1927 г. в МАЭ были переданы 40 экз. опубликованного путеводителя «Отдел Индии» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 6. Л. 146].

В 1925 г., 23 июля, план новых отделов МАЭ (по этажам и залам) был доложен непременно секретарю АН. Индийские коллекции были размещены в трех помещениях — залы 15 (буддизм), 16 (Индия; Бирма, Цейлон, Сиам — как ее культурные колонии), 17 — отдел Индии (в ротонде и часть зала 18). Указывалось, что до 1914 г. отдел Индии был в зачаточном состоянии и имел около 1500 предметов (которые привезли Минаев, Ягор, Щербатской, Андреев, Николай II). В 1914 г. МАЭ была снаряжена экспедиция в Индию в составе сотрудников А.М. и Л.А. Мерварт, проработавшая там до начала 1918 г. и привез-

шая около 5000 предметов, а также 3000 фотографий и большую литературу. К сожалению, ввиду невозможности своевременно вывезти коллекции из Индии около 25 % собранных там коллекций погибли от воздействия климата и насекомых. При входе в зал как образец архитектуры установлена вывезенная из Индии часть дворца раджи с богатым резным орнаментом по фронтому. В правой половине зала представлена материальная культура, в середине — туземные модели, рисующие сцены быта сельского (преимущественно) и горного населения. Левая сторона содержит коллекции по культу и искусству. Особый интерес представляет коллекция по народному театру — бенгальских кукол и малабарской пантомимы, представляющая большую редкость. Очень показательна коллекция музыкальных инструментов (около 100 предметов) и оружия (имеется и экземпляр костяного бумеранга). Заслуживает внимания красочная и редкая коллекция кандийского (цейлонского) гончарного искусства, ныне вымирающего, по дамасцированию; так называемая работа бидри, украшения, отражающие интереснейший комплекс народных обычаев и представлений. Для русской промышленности небезынтересна коллекция набоек для ситцепечатания, орнамент для вышивок; изделия из папьемаше, резьба по дереву, образцы тканей [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 8. Л. 23–24].

Третьего декабря 1925 г. Русс-фото (московское Общество культурных связей с заграницей) просило разрешить фотосъемку в МАЭ для заграничной периодической печати, особенно желательно было снять индийский отдел [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 6. Л. 353].

Двухсотлетний юбилей АН праздновался 5–9 сентября 1925 г. На вечерний прием 5 сентября ввиду тесноты помещения особые именные приглашения получили лишь отдельные представители академических учреждений. На торжественное заседание АН 6 сентября и на торжественные спектакли в Российский академический театр оперы и балета 7 и 9 сентября приглашались все служащие АН, но по именованным приглашениям. 7 сентября, в день

осмотра научных учреждений АН делегатами, все служащие АН приглашались быть на своих местах с 9 утра, помогая администрации учреждений при приеме гостей [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 6. Л. 107]. Среди гостей, кстати, были ректоры университетов Мюнхена и Гейдельберга, которым был представлен А.М. Мерварт.

После успешного праздника 9 октября 1925 г. Академией наук были утверждены новые штаты МАЭ. В научные сотрудники 2-го разряда были переведены, в частности, Григорий Григорьевич Гульбин, Лидия Эдуардовна Каруновская¹⁶ (впоследствии зав. отделом Индонезии МАЭ), Татьяна Александровна Корвин-Круковская, мулер-модельщик Павел Александрович Смелов [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 8. Л. 65–69].

В конце 1925 г. в отделе Индии работали А.М. Мерварт и Т.А. Корвин-Круковская, в отделе Индонезии — Л.А. Мерварт и Л.Э. Каруновская [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 15. Л. 12].

Приведем текст отчета А.М. Мерварта о работе с период с 1 декабря 1925 г. по 1 декабря 1926 г.:

«В Отделе Индии работали следующие лица: 1) зав. Отделом ученый хранитель А.М. Мерварт — все время.

2) зав. Отделом Индонезии и участник экспедиции в Индию научный сотрудник I разряда Л.А. Мерварт — до 29 апреля 1925 г.

3) Татьяна Александровна Корвин-Круковская — с 1 февраля по 1 октября 1925 г., приватно, и с 1 октября в качестве научного сотрудника II разряда и помощник заведующего Отделом.

---

¹⁶ Каруновская Лидия Эдуардовна (1893–1975), окончила Ленинградский географический Институт, с 1923 г. работала в МАЭ. Летом 1924 г. выезжала на Алтай для исследования тюркских народов; с осени 1924 г. работала в отделе Австралии и Океании [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 5. Л. 83]; в 1925 г. включена в число временно приглашенных работников, не принадлежащих к числу служащих МАЭ, но исполняющих отдельные поручения в связи с перевыставлением музейных коллекций, по отделу Передней и Средней Азии [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1925. Ед. хр. 20. Л. 178].

Работа велась в следующих направлениях:

1. Были разобраны, приведены в порядок, восстановлены и зарегистрированы коллекции, собранные экспедицией А.М. и Л.А. Мерварт в 1914–1918 гг. Общее количество обработанных таким образом в отчетном году предметов 4499, фотографий позитивов 975, фотографий негативов 675, что вместе с зарегистрированными в прошлом году коллекциями того же происхождения дает общее число предметов 5575, фотографий позитивов 975, фотографий негативов 675.

Восстановление пострадавших от климата и перевозки экспонатов было выполнено реставратором П.А. Смеловым.

Среди коллекций особенное внимание обращают на себя:

1) Собрание костюмов и сценических принадлежностей Малабарского народного театра (№ 122)

2) Собрание марионеток бенгальского театра (№ 25)

3) Обширная коллекция музыкальных инструментов (№ 117)

4) Коллекция набоек североиндийской и кашмирской ситцепечатной промышленности (№ 251+7)

5) Изделия кандийской расписной керамики (№ 25)

6) Изделия инкрустационной техники (№ 65)

7) Ряд моделей, иллюстрирующих деревенский быт Малабара, североиндийской равнины и Бенгалии.

2. Была принята, разобрана и зарегистрирована коллекция из 582 номеров из Музея Государственного Эрмитажа (бывшего барона Штиглица), содержащая ценный материал по индийскому прикладному искусству, как то: металлических изделий 133 №, предметов гончарного производства 92 №, украшений 67 №, тканей 267 №, деревянных изделий (лакированных предметов) 23 №.

3. Была закончена регистрация полученных ранее коллекций, оставшихся незарегистрированными за нахождением в командировке настоящего зав. Отделом (коллекция М.С. Андреева, № 246, коллекция из Музейного Фонда).

4. Была произведена выставка коллекций и составлена шкафная опись выставленных предметов с подробными планами витрин. Из общего количества предметов было выставлено 2774

и 15 моделей. Остальные были замагазинированы в магазинных помещениях, находящихся в самом Отделе. Все витрины и щиты были снабжены объяснительными карточками и номерами. Для оживления и объяснения выставки коллекций широко использован фотографический материал. Кроме того, для удобства посетителей были изготовлены планы выставки, вывешенные в обоих концах зала. Начата магазинная опись.

5. Приготовлен к печати путеводитель Индийского Отдела размером приблизительно в 40 стр.

6. Рядом лекций и подробных объяснений руководители Экскурсионной Базы и других учреждений были ознакомлены с составом Отдела.

Отдел, кроме того, был показан заведующим и его помощником местным индологам, иностранным ученым (во время юбилейных торжеств), учащимся Государственного Университета и Института Живых Восточных Языков.

Для дальнейшего пополнения Отдела были возобновлены связи путем переписки с учреждениями и лицами в Индии.

Внемузейная работа:

Зав. Отделом были сданы в печать следующие статьи:

1) Сюжет Сакунтала в Малабарской народной драме (Вестник Ориенталистов)

2) Музейное дело в Индии (в Бюллетень Академии Истории Материальной Культуры)

3) Роль музеев для культуры современной Индии (в журнал Научный Работник)

Готовят к печати в *Journal Asiatique* — статья (5–4 л.) под заглавием *Les Kathakali du Malabar*.

Зав. Отделом были сделаны доклады о Малабарской народной драме и о музейном деле в Индии на заседании Кружка им. В.В. Радлова и Академии Истории Материальной Культуры.

Прочитан ряд публичных лекций в Ленинграде и Москве по разным вопросам быта современной Индии.

По прошлогоднему Отчету — 30 коллекций, всего 1076 №». [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 4. Л. 12–13].

В план работы отдела Индии на 1925/1926 гг. входило, помимо приобретения книг, коллекций и мебели, восстановление коллекций, печатание снятых во время экспедиции негативов и дублирование погибающих ценных негативов, изготовление трех манекенов для выставки костюмов и этнографических типов [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 4. Л. 18]; на 1926/1927 гг. — каталог этнографических предметов (4000 карточек), печатание 990 привезенных из экспедиции 1914–1918 гг. негативов, наклейка имеющихся 940 и 990 предполагаемых к изготовлению позитивов, фотографирование предметов для карточного каталога [Там же. Л. 21]; на 1927/1928 гг. — застекление живописи с о. Цейлон, изготовление отпечатков 96 диапозитивов размером 18×24 для окон и пр. [Там же. Л. 16].

Эти иллюстративные материалы активно использовались для занятий со студентами, иллюстрации докладов и чтения лекций в МАЭ, в музейно-просветительской деятельности.